

Михаил Московец

ВЕЛИКИЙ ЖО

16+

Михаил Евгеньевич Московец

Великий Жо

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=66566766

SelfPub; 2021

Аннотация

Великий – превышающий обычную меру по силе, глубине, интенсивности. История не столько о чем-то великом, сколько о Жо, который по иронии судьбы оказался достаточно интенсивным, чтобы стать Великим. Нет, это не пародия на Гэтсби – это пародия на тебя.

Михаил Московец

Великий Жо

– Алло! Я в метро, не могу говорить. Перезвоню. А, это реклама – тогда не буду перезванивать.

Я с чистой совестью сунул телефон в карман. Конечно, ни в каком метро я не был – с чемоданом тяжеловато было бы таскаться по эскалаторам. Просто разговаривал через ворот кофты и намеренно шуршал. Зачем я это сделал? Не знаю, захотелось подурачиться, когда увидел незнакомый номер. К тому же я и правда немного занят.

Я стоял на крыльце высоченного коричневого здания, похожего на квадратную сторожевую башню. Наверно, никто бы не сказал, что это кампусное общежитие. Слишком средневеково. Хотя университеты чтят традиции, в особенности – когда это не бьет по карману его руководства.

Позади меня стоял широкий чемодан с задранной ручкой – мой гардероб. Точнее, его часть, остальное приедет позже.

Я открыл входную дверь, и меня сразу окатил базарный гул. Внутри было шумно, хотя невозможно было определить, где именно шумят – гул будто бы смешался с кислородом.

Полусонный охранник осмотрел меня с ног до головы и махнул рукой, разрешая пройти. Видимо, моя внешность слишком типична для студента, чтобы проверять пропуск.

Внутри все было в оранжево-красных тонах, точно здесь

не студенты жили, а снималось кино.

Посреди здания был колодец – сквозное пространство через все этажи. Лестница шла по его краям. На удивление, выглядело это довольно эстетично.

Лифта не было видно, хотя я не то чтобы большой поклонник этих железяк. Всегда таскался с чемоданами по ступенькам. Я спортсмен, все просто. Плюс есть дорожки для колесного транспорта. Поэтому и сейчас я ненапряжно покатил чемодан за собой.

Квартиры располагались по стенкам «колодца». Почти на каждом этаже встречались девушки, по одной или парочке. Они почему-то стояли у перил и глазели по сторонам. Естественно, обращали внимание и на меня. Я бесцеремонно окидывал их взглядом, а они хихикали и сверкали глазами. Обожаю эту игру. Каждая что-то говорит мне, я улыбаюсь, но не запоминаю их чушь. Просто играюсь.

Одна спросила, будет ли новоселье. Я улыбнулся и кивнул.

Другая спросила, где я живу. Я ответил, что снял две квартиры на десятом: одну – для меня, другую – для гардероба. Она нарочито громко засмеялась.

Поначалу я не понимал, почему мне встречались одни девушки. Потом кто-то подсказал: я зашел в женский подъезд. Мужской был соседним, а переходы были на каждом этаже.

И еще одно интересное обстоятельство – на седьмом этаже закончилась лестница. Да и колодец уперся в бетонное

перекрытие, хотя этажей было еще штук пять. Ну как минимум три. Зато на седьмом появился лифт. Я подошел к нему и нажал на кнопку. Дальше – как сцена из фильма.

Из квартиры неподалеку (не обратил внимания на номер) выходит блондинка в легкой шубке и направляется к лифту. Я окидываю ее взглядом без малейшего стеснения. Двери лифта открываются, я пропускаю девушку вперед. Она смотрит на меня и улыбается.

– Привет, Марго.

– Что? – говорит она, заходя в лифт.

– Ты же дублерша Марго Робби.

Она снова улыбается. Я нажимаю на десятый, она рассматривает кнопки и нажимает на первый.

На ее спине висит кожаный рюкзак.

– Давай помогу, – я тяну руки к нему и стягиваю одну лямку с плеча.

Она с удивлением оборачивается на меня.

– Не надо.

– Всего лишь хотел помочь.

– Не надо.

Тут я случайно (конечно, специально) касаюсь ее руки. Она вмиг одергивает, но уже играет.

– Ты чего? – улыбается.

– Хотел почувствовать тебя.

Она молчит.

– Закрой глаза.

Я послушно закрываю. Ее теплые губы касаются моих, коротко и сладко.

– Зачем? – я невольно продолжаю игру.

– Чтобы ты почувствовал меня.

Десятый этаж, она выходит со мной.

– Значит, десятый, – она останавливается.

– Как видишь, – и я поворачиваюсь было идти дальше.

– Не сегодня.

Улыбка проскакивает на моих губах.

– Моя дверь будет открыта. Квартира 1010.

Она смотрит на меня, а я играю влюбленного.

– Как тебя зовут?

– Ты ведь уже дал мне имя.

– Марго?

– Пусть будет так. А тебя?

– Жо.

– Жо?

– Жора, но для друзей и любовниц – исключительно Жо.

Она улыбается.

– Пока, Жо.

– Пока, Марго.

Двери лифта закрываются, пряча ее смеющиеся глаза.

– Ну даешь, Жо. Только приехал, а уже нашел девушку.

Сцена заканчивается.

Я перешел в мужской подъезд. Квартира 1010 оказалась прямо передо мной. Внутри неброско: одно помещение –

а-ля студия, кровать в глубине комнаты около окна, слева вдоль стены – кухня-столешница; перед ней – ванная.

– И где же тут устраивать новоселье?

Я оставил чемодан около двери и бухнулся на кровать без малейшего представления, чем же заниматься дальше. Глаза как-то сами собой закрылись, и я заснул.

Показалось, что я тут же проснулся от стука в дверь. Однако было уже темно. Шея затекла от сна в одной позе. Я присел и повертел головой, зажмуривая глаза, попил воды и пошел открывать.

Там была не Марго.

– Новый сосед, – двое парней бесцеремонно прошли мимо меня и включили свет в квартире. – Девчонки сказали, что у тебя новоселье.

– Вы видите тут праздник?

– Пока нет. Сёма?

Говоривший крикнул в коридор, и вскоре в дверях появился парень с двумя упаковками пива.

– Ставь сюда, – указал организатор на столешницу.

– Тут со всеми так? – поинтересовался я, зевая в проходе.

– Абсолютно. Теперь можно и представиться – Ваня, – он протянул руку и добродушно улыбнулся. – Ты уж извиняй, что мы так резко, но девочки там всю красят.

– Жора. Я только умоюсь, а вы будьте как дома.

«Девочки у них», – подумал я и заперся в ванной. Сквозь поток воды не слышна была их возня, но, когда минут че-

рез двадцать я вышел, квартира была убрана и наспех облагорожена. Они даже где-то гирлянду откопали и притащили огромную колонку. Пятеро парней расслабленно попивали пиво, о чем-то споря. Девушек еще не было.

Подошел Ваня и протянул мне пиво.

– Не люблю, – пробурчал я.

– Трезвенник?

– Не-а, – я усмехнулся и раскрыл чемодан, где лежали три бутылки текилы. – Есть лайм и соль?

– Опа! Сёма, звони девочкам и говори, что без лайма и соли тут не пускают.

Примерно часа полтора после этого я помнил хорошо. Потом уже промежутками: началась дикая вакханалия, музыка гремела на весь этаж, если не на все здание. Кто-то вроде бы даже приходил жаловаться, но нам было плевать. Новоселье все-таки.

Очнулся я в коридоре с диким сушняком и болью в голове. Забавно, что спал я на подушке и был укрыт одеялом. Видимо, какой-то добрый и не совсем пьяный человек позаботился. Кроме Вани я больше никого не запомнил.

Тяжело было сфокусировать зрение и уж тем более подняться – на все про все ушло минут десять. Я глянул на номер соседней двери – 702. Женский подъезд. На всякий случай я прихватил подушку и одеяло с собой и побрел в свою квартиру. Ноги еле передвигались, но каждый шаг все равно резко отдавался в мозгу. Не помню, чтобы раньше было

такое дикое похмелье. Хорошо, что я никого не встретил по дороге.

Моя дверь была приоткрыта. На кровати кто-то спал. Я взял бутылку воды со столешницы и вмиг осушил ее. Груда выпитого алкоголя валялась под окном, коробки из-под пиццы и пачки чипсов разбросаны по полу, жутко воняет куревом. Зато гирлянда еще светится.

Я прошел до окна и раскрыл его настежь, а после заперся в ванной и долго оживал под прохладным душем. Стало немного легче. Затем оделся в спортивный костюм. На столешнице лежали чьи-то солнечные очки. Без зазрения совести я надел их. После устроенной вакханалии это лишь малая компенсация мне и моему организму.

– Надо бы за минералкой сходить.

В первый раз я подумал о сохранности своих вещей. Но чемодан был прикрыт, сумка не тронута – в общем все на месте. Меня немного подбешивало, что кто-то спал на моей кровати, но, подойдя поближе, я узнал Ваню.

– Вот наглый черт.

Будить не стал и пошел в продуктовый.

В здании было мертвенно тихо. Я вспомнил, что так и не взглянул на время. 12:12.

– Можно желание загадать. Чтобы не было этой идиотской привычки рано вставать, а то доконает меня рано или поздно. Даже интересно, во сколько мы легли. По-любому же ближе к утру.

Я не спеша спустился по лестнице на первый этаж, прошел мимо пустующего стула охранника и вышел на улицу.

Было светло, грело солнце. Продуктовый находился в паре домов через дорогу (вчера про него рассказывал Ваня). Небольшой такой, где за прилавком стоит одна милая продавщица, любившая студентов, делающих ей кассу.

Я прошел мимо нее к холодильнику с водой, открыл газированную и выпил почти половину, пока газики не стали совсем уж невыносимо резать горло. Продавщица улыбнулась. Я отдышался и допил все остальное, завершив действие отрыжкой.

– Новоселье праздновали, – зачем-то ляпнул я.

– Понимаю.

– Надо было обозначить себя в этом здании.

Продавщица продолжала улыбаться. Я прихватил еще парочку бутылок с газом и без. На кассе взял батончик, чтобы хоть чем-то перекусить. Пообедать хотел уже в центре. Расплатился и кисло улыбнулся продавщице на прощание.

– Удачи! – крикнула она мне напоследок, а я пил воду.

По пути обратно я снова никого не встретил. С первого этажа пришлось подниматься на лифте (ох, это чертово похмелье), он оказался спрятан за углом.

Ваня все еще дрыхнул на моей кровати, и я принялся как бы невзначай греметь всем, что было вокруг. Он заворочался и поднял свое опухшее лицо.

– Вода есть? – прохрипел он.

Я кинул ему бутылку. Он еле открутил крышку и начал жадно пить, проливая половину мимо рта. А я смотрел и смеялся. Ваня вылил немного воды на лицо.

– Постель мне не мочи, чего как животное.

– Сам животное, – он бухнулся обратно на подушку.

– Видел бы ты, где я проснулся.

– Ну?

– Около 702 в женском подъезде.

Ваня сначала просто фыркнул, но потом поднял голову, показывая мне все грани пьяного удивления.

– 702?

– Ага.

– Там живут две самые красивые девушки на свете. Они вроде не хотели к тебе приходить вчера.

– Блондинка есть?

– Не-а. Блонд любишь?

– Встретил вчера одну в лифте на седьмом этаже.

– Как звать?

Я усмехнулся.

– Не знаю имени.

– Блондинок нет на седьмом.

– Она выходила из квартиры.

– Подруга, может.

– Вставай давай.

Ваня заерзал на кровати и вялым движением присел.

– Классные очки.

– Абсолютно согласен.

– Сёма забыл.

– На столешнице лежали.

– Носи, в следующем году только вспомнит про них.

– Хорошо.

Ваня поднялся.

– Я в душ.

– В мой?

– До моего далеко.

– Ты как бездомный. Точно в этом здании живешь?

– Не точно.

Он заперся в ванной и включил воду.

Так вышло, что мое новоселье произвело фурор: еще никто не устраивал настолько масштабной вечеринки. Хотя я и не помню многого, но то, что мне рассказали, было поистине грандиозно. Как итог – теперь меня знали все, а моя квартира превратилась в проходной двор, куда мог зайти каждый, кому было скучно. Были те, кто заваливался постоянно, вроде Вани, и те, кто заходил раз в месяц, – самые стеснительные. Девушки тоже заходили, но казалось, что на разведку: если хотели веселья, первоначально обязательно заходили ко мне, вдруг там движ. Если движ был, то оставались и разбавляли мужскую компанию. Если нет, равнодушно уходили. Они делали вид, что я им неинтересен (во что верится с трудом), а интересно только веселое времяпрепровождение. Почти уверен, что, позови я любую на свидание, она

бы обмочилась от счастья.

Естественно, учиться все стали хуже, поскольку либо постоянно зависали у меня на вечеринках, либо были жертвами производимого гама. А вечеринки я устраивал почти каждый день. Не такие грандиозные, конечно, как новоселье, а поскромнее и более камерные. Но про учебу не хочу говорить, это нудно.

Марго не появлялась. Печально, но что поделать. Дурак я, что не узнал настоящего имени. Обиднейший косяк.

Ваня как-то (валяясь по обыкновению на моей кровати) болтнул, что умеет играть на гитаре. Не сказать, что я фанат музыки – мой вкус ограничивался тем, подо что можно танцевать, – но от скуки я вынудил его поиграть. Он притащил гитару, сам настроил и спросил, что я хочу услышать. Мне было без разницы. Он задумался, пару раз провел большим пальцем по всем струнам и взял аккорд.

Вроде как играл он нечто знакомое, но я не мог вспомнить название песни. Мне нравилось, и в тоже время было почему-то неловко: мы не разговаривали о всякой чепухе, а сидели и слушали гитару.

Поначалу я наблюдал за Ваней и с улыбкой замечал, что он частенько закрывал глаза и играл вслепую. Вот что значит кайфовать.

Я отвернулся к окну. Может, какие-то мысли и посещали мою голову, но не задерживались надолго. Я не думал ни о чем, а просто расслабился. Как будто по-новому себя почув-

ствовал, по-новому хорошо.

Ваня в последний раз коснулся струн, и музыка затихла. Он стукнул пальцами по деревянному корпусу гитары.

– Как-то так.

– Прикольно. Сыграй еще.

– Еще?

– Ага.

– Твои соседи подумают, что я тебя клею, – Ваня усмехнулся.

– Да пошли они.

Он снова стукнул пальцами и сыграл.

Через пару песен к нам пришли знакомые ребята, потом присоединились девушки. В итоге квартирка оказалась полностью забита. Я отворил входную дверь.

Ваня быстро отобрал у меня статус самого популярного парня в здании. Раньше он по неведомым мне причинам никому не играл. Когда я спросил у него, почему же, то он ответил, что не любит это дело. Я усмехнулся, потому что не может человек не любить играть и одновременно кайфовать от игры, и в итоге уговорил его устроить подобие квартирника.

Мы нашли квартиру побольше: как ни странно, она оказалась в женском подъезде – трешка с большой гостиной. (По итогу в ней поместилось человек сорок, еще и в коридоре стояли.)

Кстати, я забыл упомянуть, что одну из квартир в жен-

ском подъезде обокрали. Я мало что знаю об этом, не особо интересовался. Кажется, это произошло в тот день, когда я устраивал новоселье. Наверно, девочки были богатые.

После успеха первого квартирника я попросил Ваню научить меня играть на гитаре. Я понимал, что это долго и муторно, но мое тщеславие пересилило. Я зажимал аккорды и брэнчал, а Ваня вяло кивал головой. Поначалу пальцы ужасно болели, потом привыкли. Чувствовал я себя школьником, но у меня получалось.

Мы часто устраивали квартирники. Ваня стал бешено уверен в себе (хотя он всегда таким и был), репетировал целыми днями, причем исключительно у меня, а я вынужденно слушал его, маясь от безделья. Ну как вынужденно – музыка превращалась в часть моей жизни. Когда ему становилось невмоготу, он спихивал гитару мне, и я замирал в неудобной позе, заставляя звучать аккорды.

Но ладно бы Ваня остался просто бешено уверен в себе. Он еще и мечтать стал. Видимо, эта уверенность и заставляла его строить грандиозные планы, причем такие, в которые он раньше бы и не поверил. Он мне сказал как-то, что перерос квартирники. Мол, надо двигаться дальше. Мы и правда собирали толпу – приходили все, кто был в здании. А все, кто не был, приезжали послушать, если не было дел поважнее. Кстати, я забыл сказать, что Ваня еще и неплохо пел.

В общем, я стал искать клуб, который смог бы принять начинающего артиста.

Не сказал бы, что мне не нравилась роль менеджера, – я механически и по привычке все организовывал, – однако в то же время нечто глодало меня изнутри. Возможно, зависть, но зависть добрая, граничащая с радостью. Да, я тоже хотел играть и выступать. Надеюсь, это придет потом, а пока стоило усерднее заниматься.

Я нашел клуб – небольшой, полуподвальный: сцена и зал человек на восемьдесят. Сразу забегу вперед и скажу, что на этом концерте оказалось человек двести, если не больше.

Поначалу помещение Ване не понравилось – имперские амбиции не позволяли играть в полуподвалах. Но я переубедил его – надо же с чего-то начинать. Выступление назначили через две недели.

И тут мы внезапно вспомнили, что группы-то у нас нет. Некому играть на барабанах, на басу и клавишных. Ваня запаниковал. Вместо репетиций он лихорадочно забегал во все квартиры в общежитии и спрашивал о музыкантах, даже самых малознакомых. Никто не помогал. Он писал во все университетские чаты с обещаниями многотысячных концертов, Грэмми (смешной какой!) и прочей ерундой. Глухо.

Я тоже опрашивал знакомых. Кто-то играл, но плохо. Кое-как я нашел играющую девушку. Я толком не понял, на чем она играет, мне как-то очень пространно рассказали о ней, как будто сами ничего не знали. Дали ее номер. Я написал, что мы организуем концерт через две недели, нужна группа, а друзья сказали, что она хорошо играет.

Она ответила на следующий день утром, что очень занята, но спросила, где будет проходить концерт.

В полуподвальном клубе рядом с кампусным общежитием.

Вы студенты?

Ага.

Когда репетиции?

Мы пока ищем группу и не думали о репетициях, но солист прилично играет и поет. На чем ты играешь?

Ладно, я согласна. Приеду, когда скажешь, играю на клавишах.

Хорошо, напишу тебе.

Дня через три нашелся и барабанщик. Я написал ей, что можно собираться репетировать.

Когда приезжать?

Завтра вечером.

Хорошо.

Про адрес она почему-то не спросила, но я не придавал этому значения.

Сказать, что я был шокирован – ничего не сказать. У меня буквально челюсть свалилась на пол, когда в клуб вошла Марго. Только совсем не блондинка, а рыжая. Я таранился на нее; она заметила меня, замерла на секунду, но, видимо, тут же взяла себя в руки и кисло улыбнулась.

– Привет, Жо, – она мило протянула руку. Наверно, первый раз в жизни я растерялся в присутствии девушки.

– Жо? – переспросил Ваня.

– Так его называют близкие друзья и любовницы.

Сегодня был прямо день открытий. Вдобавок к растерянности теперь я еще и покраснел как рак. Просто омерзительное ощущение. Мне было стыдно и хотелось сквозь землю провалиться, прямо как в книжках пишут.

– Любовницы и близкие друзья? – Ваня рассмеялся. – Почему я тебя так не называю.

– Давай потом.

Я был зол на Марго и попытался где-то спрятаться. Обычно я контролировал все ситуации, мог отшутиться, повернуть все против собеседника и прочее, но тут все разом свалилось на мои плечи и, понятно, полетело к чертям. Ну, печальный опыт тоже опыт. Хотя тогда я только злился на нее. Как ребенок.

Я уселся в тени, якобы чтобы смотреть на репетицию со стороны. Марго, барабанщик и Ваня общались уже по поводу репертуара, что-то подбирали, а я думал, почему же она все-таки не зашла ко мне. Обещала ведь. Хотя не то чтобы я привязался к ней, нет уж: чистый мужской интерес.

Они начали играть – и справедливо будет отметить, что они прямо сразу стали слышать друг друга, – получалось у них круто. Я уже привык к музыке за время проживания в общегититии, но сейчас она заново впечатляла меня. Злость рассеивалась, и я просто слушал, наблюдая за Марго. Она не глядела в ответ, но наверняка чувствовала мой взгляд. Да,

она красива, все-таки что-то в ней было, что-то завораживающее и пленительное. Хороша она, даже рыжей хороша.

Они закончили играть и теперь просто болтали. Я поднялся.

– У вас неплохо получается.

– Да? – Ваня весь взмок.

– Да, чудно, – я уставился на Марго, а она на меня.

– Еще разок надо бы собраться.

– Я не против, – она улыбнулась Ване и пошла собираться.

– Ты не останешься?

– У меня много дел.

– Так вот и забываются обещания.

– Я зайду к тебе, но не сегодня.

– Как все же тебя зовут?

– Ты ведь дал мне имя.

– Но по этому имени я не могу тебя найти.

– Меня не нужно искать, я сама приду.

В отчаянии я потянулся было поцеловать ее, как тогда, в лифте, но она шустро поставила теплую щеку и убежала.

Да уж, я ее вообще не понимал. Может, мне и не надо было ее понимать.

Сзади подошел Ваня.

– Давно знакомы?

– Вот про нее я рассказывал – это она выходила из квартиры на седьмом этаже в мой первый день.

– Та блондинка?

– Да, только перекрасилась, наверно.

– У тебя губа не дура, дружок.

Я мысленно спохватился. Она ведь приехала откуда-то, а не пришла из общежития. Да и сейчас куда-то уехала. Что она тогда делала в общежитии? Больше всего меня почему-то смущали белые волосы.

– Когда вы там в следующий раз репетируете?

– Дня за два-три до концерта встретимся, прогоним еще разок.

Тогда и узнаю.

Последующие дни я был сам не свой. Во мне проснулся нездоровый интерес к этой ситуации, я день и ночь размышлял и выстраивал причинно-следственные связи. Никогда таким мнительным не был. Совершенно улетучились легкость и бодрость, всегда присущие мне. Я забыл даже о гитаре и совсем не играл.

Ваня почти не обращал на меня внимания. Он суетился и носился взад-вперед, как будто готовился к чему-то грандиозному: перестирал все свои вещи, погладил, убрался в квартире (мол, чтобы привести девочек после концерта), сходил в парикмахерскую, бросил пить, чтобы выглядеть бодрым (хотя до этого мы пили каждый вечер). И ежедневно играл одни и те же мелодии, что начинало меня раздражать. Хотя в то же время я осознавал, что раздражаюсь из-за ерунды. Этот факт бесил больше всего. Бесил – однако я ничего не мог поделать. Замкнутый круг.

За три дня до концерта они собрались репетировать. Я делал вид, что все нормально, но выглядел отвратно. Даже Марго спросила, что со мной не так. Я что-то промямлил и задумался: я ведь не помнил, как она со мной поздоровалась. А это очень важно.

Они начали играть, а я занял то же место в тени. Их музыка успокаивала меня; кажется, я даже расслабился. Все мои мышцы разжались и выдохнули с облегчением. Мозг опустел от бредней. Губы расплылись в улыбке, а в животе запорхали бабочки. Я вполне мог свалиться в обморок от эйфории, но обошлось. Я слушал музыку, улыбался и кайфовал. Да, было просто. Все просто.

Я поднялся и подошел к играющим.

Громко.

Снова захотелось стать частью музыки, снова захотелось играть.

Я наблюдал за Марго. Она тоже улыбалась и играла почти не глядя, водя глазами по сторонам. Посмотрела на меня и улыбнулась шире. Потом как-то сконфузилась и опустила глаза на клавиши, немного покраснев. Я это заметил, но не подал виду. Повернулся к Ване и подвигался на кураже. Если даже на репетиции они заставляли танцевать, то что же будет на концерте. Мы играли и танцевали, танцевали и играли...

Последний аккорд – и музыканты начали собираться. Первым слинял барабанщик. Марго копалась в своих вещах. Было ощущение, что она делает это нарочно. Ваня кивнул в

ее сторону. Я подошел к ней.

– Не хочешь зайти?

– К тебе? – она не поднимала головы.

– Да.

Она замерла, очевидно, взвешивая все за и против.

– Можно.

Я стоял возле и ждал, пока она соберется. Она сунула телефон в сумку и прошла мимо меня. Затем тут же остановилась.

– Веди, чего стоишь? – и все еще не смотрела в мои глаза.

Что-то в ней было не то. Неужели робость? С чего бы ей взяться? Не робела тогда в лифте, но робеет сейчас?

Мы зашли в общежитие. Я обернулся, но не встретился глазами с Марго. Сейчас она меня не привлекала, но чисто из принципа я решил идти до конца.

Я вызвал лифт. Двери тут же раскрылись. Я протянул руку вперед, и она вошла первой.

– Помнишь прошлую поездку?

– Да.

– Повторим?

Она замялась, но потом вдруг оживилась, хихикнула и сама подставила мне губы.

Почти вслепую мы дошли до квартиры, скинули вещи и упали на кровать. Все тянулось долго и прекрасно. После я почти сразу вырубился. Кажется, Марго уснула рядом.

Проснулся я от того, что кто-то бросил в меня подушку.

Ваня. Опять этот черт. Он что-то тараторил, но я не мог разобраться. Я накрыл голову брошенной подушкой. Но этот упертый баран отобрал ее.

– Эй, глаза протри. Тебя обокрали.

– Что? – я не поднимал головы.

– Обокрали тебя, олух.

– Обокрали?

– Остался только ты и стены.

Я наконец поднял голову. Едва видящими глазами я осмотрелся и не увидел рюкзака. Не было и телефона.

– Который час?

– Восемь вечера.

– Как восемь?

– Я тебе звонил миллион раз, ты не отвечал.

– Вчера мы уснули часов в десять.

– Кто мы?

– Я и Марго.

– А где она?

Я крутил головой и не мог сообразить, где же она.

– Ушла, видимо.

– С твоими вещами?

– Да нет, не думаю. У нее же дела, наверно.

– Не странно ли, что она тебя не разбудила?

– Не знаю. Рюкзака нет?

– Не-а, гардероб тоже пуст.

– Стоп.

– Что?

– Ничего не осталось?

– Ты очень естественно прикидываешься тупым.

– Вот сука, – я сел на кровати. – Да не может это быть она.

– Ну, тебя, видимо, чем-то накачали или надышали, раз ты проспал почти сутки. А кто еще это мог сделать, кроме нее? Никто.

– Хватит на нее думать, мы переспали вчера, зачем ей это?

– Не знаю, увидела дорогие вещи – и все.

– Нет. П...здец. Что мне теперь делать? В рюкзаке были все деньги, ноут, телефон, часы... Еще и чемодана нет.

– Полицию вызови для начала.

– Наверно.

Я сидел без движения и пытался соображать. Но мозг почти не работал, в голове была каша. Ваня почувствовал это.

– Сам позвоню.

Вскоре приехала парочка полицейских. Они опросили меня, потом Ваню. Но ни я, ни он ничего толкового не рассказали. Про Марго договорились не упоминать. Просто сказали, что я заснул, а когда проснулся – квартира уже была пуста. Полицейские что-то записали, осмотрели комнату для проформы и ушли с чувством выполненного долга.

– Может, частного детектива нанять?

– Я не знаю никого.

– Я могу поискать.

– Поищи. Только мне платить нечем.

- Родителям не хочешь позвонить?
- Мы не общаемся.
- Откуда же у тебя деньги?
- Наследство от бабушки.
- Осталось что-то?
- Почти все было в рюкзаке.
- Зачем снимал?
- Вложиться.
- Нелегальное, что ли?
- Типа.
- Много денег было?
- Тысяч десять долларов.

Ваня покашлял и принялся копаться в телефоне в поисках детектива.

– И выпить ничего не осталось? – промямлил я после вечности в тишине.

– Сейчас принесу, – Ваня поднялся, не отрываясь от телефона.

Через пару минут он принес бутылку виски. Я открыл и стал хлестать прямо из горла.

Вскоре я забылся, а затем очнулся в темноте. Не было телефона, чтобы глянуть время, и я не понимал, утро ли еще или уже вечер. Жуткий сушняк пожирал изнутри. Я доковылял до раковины и стал пить холодную воду из-под крана. Идиотское решение, потому что после этого стало еще хуже и меня вырвало. Я уселся, опершись на стенку. Голова жутко

гудела, почти как после новоселья. В квартире был я один. Ваня ушел. Я разделся, залез в душ и стал отмокать. Спустя время кто-то хлопнул моей дверью, и я невольно вздрогнул.

– Ты в душе?

Это Ваня.

– Ага.

– Мой отец вызвал частного детектива.

– Который час?

– Шесть вечера.

– Долго мы вчера пили?

– Я почти не пил и ушел часов в одиннадцать. Видимо, ты допил всю бутылку.

– Ага.

– Детектив придет через час, чтоб свежим был.

– Так быстро нашелся?

– Да.

– Ладно.

– Выползай давай.

Минут через пятнадцать я стоял у открытого окна и жадно вдыхал свежий воздух, осушая бутылки с газированной водой и понемногу приходя в себя. На глаза я напялил любимые (чужие) солнечные очки.

– Здравствуйте, – проговорил кто-то за моей спиной.

Без стука вошел худощавый высокий мужчина в костюме. Он поздоровался с Ваней, очевидно, понимая, что отец этого паренька и напряг его. Потом подошел ко мне, тщательно

разглядывая.

– Расскажите, что случилось.

Я глянул на Ваню и рассказал, что мы репетировали, потом я вернулся к себе в квартиру, рано заснул, а вечером следующего дня меня разбудил Ваня – и тогда уже все вещи были вынесены. Непонятно было, удовлетворил ли я детектива, но он что-то записал.

– То есть вы не видели, как к вам заходили?

– Нет.

– И сами никого не приводили?

– Нет.

– Охраны на входе в общежитии нет, я правильно понимаю?

– Формально есть, но охранник редко там сидит, – вставил Ваня.

– Спасибо, Иван, – детектив любезно кивнул ответившему.

– А камеры?

Я переглянулся с Ваней. На входе в здание висела камера, но я не знал, записывает ли она. Совсем забыл про нее.

– На входе висит, но она не работает, – снова помог Ваня.

– А, понимаю. По бумагам установили, но половину денег прикарманили.

– Примерно так.

– Полицию вызывали?

– Да, но они ничего толкового не сказали.

– Соседи не могли вас обокрасть?

– Мы дружим.

– Деньги иногда дороже дружбы.

– Не думаю, что они могли.

– Хорошо. Однако я все же поговорю с ними.

Он поднялся, пожал нам руки и пошел по соседним квартирам.

– Интересно, какой в расследовании смысл, если я не хочу впутывать Марго? – буркнул я себе под нос.

Ваня нахмурился.

– Надо было рассказать ему про нее. Он бы тебе просто адрес ее нашел, а ты бы делал, что хочешь.

– Это не она.

– Хорош уже повторять.

Я помолчал. Наверно, Ваня прав.

– Пусть детектив расследует пока. Может, так найдет мои вещи.

– А если он узнает про Марго?

– Тогда скажу ему, что она была здесь.

Мы опять помолчали.

– Странный ты тип.

– Есть охота.

– Ага.

Мы вышли из квартиры и встретили в коридоре детектива, стучащегося в квартиру напротив.

– Что-то узнали?

– Пока нет. Я вам сообщу.

– Хорошо.

– Поехали в центр, – предложил я, когда мы вышли.

– У тебя ведь денег нет, – пробубнил Ваня.

– Поэтому платишь ты.

– Окей.

Мы заказали такси и поехали в кафе.

– Что с концертом?

– Проведем. Без клавиш получится?

– Наверно, но надо весь репертуар менять.

– Поменяешь. Концерт надо провести.

Ваня в первый раз широко улыбнулся.

Мы дико объелись. Я откинулся на диванчике и пялился в потолок, а Ваня стал продумывать новый репертуар, потягивая из трубочки лимонад. Долго он копошился, вспоминая и продумывая песни, что-то и я подсказывал. В итоге сет-лист был примерно готов, надо было только разок прогнать с барабанщиком. Ваня снова был счастлив как слон.

После еды нас потянуло пить, для души, конечно. Был один знакомый бар, где качественно наливали, где нас знали и откуда мы редко уходили рано: как правило, мы оставались до самого закрытия и соглашались покинуть заведение только после диджестивов со всеми барменами.

Так было и в этот раз: вернулись мы поздней ночью. Я сразу залез в душ и проторчал там минут тридцать. Сил почему-то вообще не было. Ну как почему-то – ясно почему: обо-

крали меня, и сделала это девушка, которая мне нравилась. Я был опустошен, в точности как показывают в фильмах. Даже не опустошен, а равнодушен, апатичен ко всему вокруг. Был бы я компьютером, стоило только перезагрузиться. Но я человек.

Я еле дополз до кровати, плюхнулся на нее и почти сразу вырубился.

Надоедливое шуршание разбудило меня. Было еще темно, но понемногу я стал различать очертания квартиры. Пусто. И шуршание прекратилось. Галлюцинация, что ли? Было тихо.

Я снова закрыл глаза, но уснуть не получалось. Ненавижу, когда так выходит. Тупо лежишь и ворочаешься. Вроде спать хочешь, но сон не приходит. В итоге я сел на кровати и выглянул в окно. Ни о чем не думал, просто таращился.

Захотелось есть. В кармане оказались пару сотен. Ваня сунул, наверно. Я умылся, оделся в спортивный костюм и вышел в коридор. Очки не стал надевать, ночь все-таки. Хотя для понтов можно было бы, ха-ха.

В здании ни звука. Я спустился на лифте до седьмого этажа, а дальше машинально побрел по лестнице. Казалось, каждый мой шаг отдавался гулким эхом по всему «колодцу». Охраны на входе не оказалось, как и всегда.

На улице темно. Видимо, еще далеко до рассвета. Но свежо, ветерок неприятно поддувал. Я сунул руки в карманы и поджал плечи. Один несчастный фонарь подсвечивал тро-

туар. Даже машины не проезжали. Но путь до магазина я уже успел выучить, так что дошел бы и вслепую.

Показалась знакомая вывеска. Около нее гоготали несколько голосов. Я не стал оглядывать их источники и просто зашел внутрь. Взял чипсы и колу. Стандартный набор одинокого и проголодавшегося. Уставшая кассирша не поднялась со стула, но улыбнулась, хоть и кисло. Она пробила мои товары, я положил две смятые сотни и вышел.

Несколько фигур все еще стояли около выхода.

– Покурить не найдется?

– Не курю, – я развел руками, в которых были чипсы и кола.

– А если найдем?

– Блин, чуваки, стал бы я вам в ночи зажимать сигарету, – я нехотя усмехнулся.

Это им почему-то не понравилось.

– Мы не чуваки тебе, мудака.

Они вмиг обступили меня. Я замер на месте. Что за жест? Где я не там свернул в этой жизни? Руки мои обреченно опустились.

– Телефон гони.

– Нет у меня телефона...

– А это точно п...здеж.

Объяснять что-либо было бессмысленно. Им только дай повод.

Я рванул обратно в магазин, но мне тут же преградили

путь. Сбили с ног и начали пинать. Непонятно, за что именно пинали, хотя такие ситуации происходят безо всяких видимых причин.

Кто-то сверху сказал, что мои карманы надо обыскать. Пинать перестали и поставили мое тело на ноги. Не знаю, где был мой рассудок в тот момент, но я зачем-то врезал стоящему вблизи парню бутылкой колы по лицу. В следующую секунду мне прилетело чем-то тяжелым по голове: я свалился и уже мало что осознавал. Голова жутко кружилась. Ощущалась острая боль. Еще раз. Еще раз.

Кто-то сверху закричал, потом началась суета и почти сразу же прекратилась. Стало как будто бы тихо. По крайней мере я ничего не слышал. Голова ужасно кружилась. Кажется, я не мог пошевелить руками. Не мог подняться. Каждую секунду становилось все больнее. Дышать становилось трудно.

На мгновение промелькнула мысль, что, наверно, именно так люди и умирают. Промелькнула – и прочно укоренилась в моей побитой голове. Но не стало страшно. Никак не стало. Я лежал и медленно переставал дышать. Видимо, мне проткнули сердце, потому что я ничего не чувствовал. Я просто засыхал, как сухарь.

Вот такой и оказалась моя история. Я пересказал заключительные недели моей короткой жизни. Не знаю, зачем меня убедили дать последнее слово. Сказали, так будет лучше, но что-то я не особо почувствовал (ха-ха, какой сарказм). Наверно, это просто стандартная процедура.

Надеюсь, у вас не осталось негативных впечатлений после прочтения. Я старался быть честным. Прошу прощения, если у меня вышло не очень.

Опускаю эти листки в небесный почтовый ящик и прощаюсь.

P.S. Я почти уверен, что Ваня сыграл-таки свой первый концерт и поразил всех. Наверно, скоро он будет готовиться к гастролям.

P.P.S. А Марго так и осталась загадкой, как в первые минуты знакомства, так и в последние, но это была приятная загадка. Я надеюсь (несмотря на все произошедшее), что у нее тоже все чудесно.